

Викентий Викентьевич Вересаев

Исанка

Содержание

Часть первая.....	0004
Часть вторая.....	0033
Часть третья.....	0064
#4.....	0084

**Викентий Викентьевич
Вересаев**

Исанка

Часть первая

Густой, раскидистый липовый куст нависал с косогора над ключом. Вода в ключе была холодная и прозрачная, темная от тени. Юноши и девушки, смеясь, наполняли кувшины водою. Роняя сверкавшие под солнцем капли, ставили кувшины себе на голову и вереницею поднимались по тропинке вверх.

Все были босы, все были с непокрытыми головами. Золотились под солнцем загорелые руки и ноги, стройные девичьи шеи, юношеские, еще безволосые, груди.

Борька Чертов, прямой под тяжелым кувшином на голове, остановился на краю косогора. Счастливо улыбался, дышал ветром, солнцем и любовался вереницею прямо держащихся полунагих фигур, поднимавшихся снизу среди свежей июньской зелени.

Ах, хорошо!.. У каждого бывают в жизни недели, когда все кругом как будто сговорится любовно обступить человека и давать ему только радость, только радость, доверху переполнить душу радостью. Так было сейчас с Борькой. Солнце, блеск зелени, ощущение на-

росших мускулов под загоревшей кожей, горение внимательных девичьих глаз, милые товарищи, общее признание.

Прошли снизу, тоже с кувшинами на головах, приземистый Стенька Верхотин и Таня Комкова. В их глазах был блеск той же самопричинной радости, которая опьяняла Борьку. Стенька, не поворачивая головы, на ходу бросил ему:

– Состязаемся. Бег с полными кувшинами. Новый номер легкой атлетики.

Борька сосредоточенно стоял на месте, опустив руки, и медленно извивался туловищем, стараясь удержать на голове без помощи рук полный жестяной бидон. Из лощины поднимались все новые парни и девчата.

Донесся снизу смех Исанки. На тропинке показалась ее тонкая, сильная фигура, с ногою золотисто-загорелою рукою, поддерживавшею на голове кувшин. Прошла мимо. Борька тоже медленно пошел, балансируя под тяжелым кувшином. И смотрел сзади на Исанку.

Она шла по дороге, придерживая кувшин на голове,- чудесная античная статуя расцве-

тающей девушки. У большинства девчат шаровары были засучены до верху бедер. У Исанки юбка была до колен. И поразительно было смотреть сзади, как узки у нее щиколки и нижние части голеней; чувствовалось в этом что-то благородное и сильное, как в узких голенях породистых беговых лошадей. Ему вспомнилось и вдруг стало понятным выражение древнеэллинских поэтов: "тонколодыжная дева"... Так вот оно что значит! И он с улыбкою повторял про себя:

– "Тонколодыжная дева"...

Дорога сворачивала от перекрестка вправо, в рожь. Кувшины на головах водоносцев закачались над матовою желтизною ржи. Борька смотрел на далеко растянувшуюся вереницу и радовался.

Это была его идея – носить на голове кувшины с водою. В прошлом году Борька ездил матросом на советском пароходе в Палестину и Египет. Его поразило, как прямо держатся там арабы, особенно женщины: каждая по стройности похожа на финиковую пальму. Он приглядывался, соображал – и нашел причину. Из колодцев и речек женщины носят в

кувшинах воду на голове; и вообще все тяжести там носят больше на голове. При этом мускулы спины должны напрягаться, тело вынуждено держаться совершенно прямо; от постоянного упражнения соответственные мускулы крепнут и привыкают без усилия держать туловище в выпрямленном положении. Потом, в Ленинграде, Борька обратил внимание, как прямо держатся всегда разносчики, не только, когда лоток у них на голове, а даже когда просто стоят у своего лотка. Разносчика и без лотка сразу можно узнать по тому, как он прямо держится, - и прямою естественною, а не искусственно старою солдатскою "выправкою". Бессмысленно было в светских семьях твердить детям: "tenez vous droits" ("держитесь прямо!" (фр.)). Нужно с детства приучать детей носить на голове необременительные для черепа тяжести. Тогда прямота придет сама собою. А важна она не только для красоты. Людям умственного труда она необходима, чтоб не скомкивались легкие.

Борька эту мысль высказал. Стенька Верховтин, великолепный организатор, сейчас же воплотил ее в дело. И каждый день в четыре

часа вечера, после "мертвого часа", обитатели студенческого дома отдыха сходились с кувшинами к ясеням у околицы усадьбы, а оттуда шли по дороге через рожь за версту к Грозовым Ключам. Ключи на всю округу славились чистотою и вкусом воды. Завхоз дома отдыха с удовольствием предоставил ребятам кувшины и бидоны,- за ненадобностью, они без дела громоздились в кладовых,- дом отдыха имел великолепную питьевую воду, и не нужно было посылать за нею водовоза.

Возле Исанки шел Можаяев,- щупленький, смешно низенький рядом с нею. Шли еще две дивчины в шароварах, высоко засученных до паха. Опять Борьке бросилось в глаза то, что он давно уже заметил: женские ноги изогнуты в коленях внутрь и при ходьбе почти цепляются друг за друга внутренними выступами коленок. Это было очень некрасиво, и ноги парней казались при сравнении стройными, а их шаг твердым, гармоничным.

Можаяев отошел к тем двум девчатам. Борька нагнал Исанку.

– Скажи, Исанка, отчего ты не ходишь в шароварах, как другие?

– Н-не знаю... Мне так больше нравится. Борька посмеивался и ласково глядел на нее.

– В тебе есть бессознательная интуиция, она ведет тебя по верному пути. Посмотри на Зину и Веру: какие у них кривые ноги. Женщины всегда чувствовали, что ноги у них поставлены некрасиво, и везде, всегда окутывали ноги юбками, рубашки носили длиннее мужских... Когда художникам приходилось изображать голое женское тело, они постоянно наталкивались на это женское уродство. И Тинторетто, например, просто выпрямлял своим женским фигурам ноги.

Подошел Можаяев, усмехнулся, сказал, вздохнув:

– Энциклопедия!

Но с интересом стал слушать. А Борька восторженно продолжал:

– Эллины... Ах, эллины никогда не фальсифицировали природу, они всегда умели найти точку, с которой природа является красивой без всякой фальсификации. Посмотри, например: у Венеры Милосской, у Венеры Книдской нижняя часть туловища, начиная с чресел, закутана, и ноги скрыты...

В разговоре Борька продел руку за голую руку Исанки. По руке ее пробежал трепет, и Исанка отдернула руку.

– Чего это ты? – удивился он.

Исанка сконфуженно ответила:

– Я не люблю. – И с интересом сказала: – Ну, дальше!

Он помолчал, ища сбившуюся мысль, и продолжал:

– Самый распространенный тип Венеры – тип *Venus pudica*, Венеры Стыдливой. Такая Венера стоит, чуть наклонившись вперед, одно колено выдвинуто перед другим, – получается очень естественно, и природный недостаток становится незаметным.

Исанка, придерживая рукой кувшин на голове, с интересом слушала. Борьку всегда было интересно слушать. По разнообразию знаний он, правда, был форменная "энциклопедия". Особенно было хорошо, что знания его не лежали в нем мертвым грузом, а все время крутились, кипели, сцеплялись друг с другом, проверялись наблюдениями, складывались в новое и интересное. И всегда он весь был в том, что говорил. Весь дом отдыха он зарядил

своею напряженной умственной жизнью, всех заставлял больше думать и большим интересом заниматься. Сейчас Борька безоглядно увлекся эллинизмом, изучал греческий язык, уже читал Гомера. Кругом было солнце, зной, красивые молодые тела, постоянные телесные упражнения. И все это становилось ярче, углубленнее и серьезнее, озаренное эллиническим прожектором Борьки.

На откосе рощи, за канавою дороги, водоносы расположились на отдых. Кувшины и бидоны, полные сверкающей водой, рядом стояли на валу канавы, а ребята лежали под березами, сплетшись в одну огромную, живописную кучу. В зеленой тени сверкали золотистые, бронзовые и оливковые тела, яркими цветами пестрели женские косынки и блузки.

– Борька! Исанка! Отдых!

Борька опустил свой бидон на землю, отер потный лоб и весело замешался в общую кучу. Руки переплетались с ногами, у наклонявшихся девчат в вырезах блузок мелькали на миг, обжигая душу, грушевидные груди. Стенька Верхотин лежал головой на коленях

Тани, а она, наклонившись, гладила его курчавую голову.

Исанка поставила свой кувшин в ряд с другими и села сбоку, не мешаясь в кучу.

Можаев враждебно спросил:

– Ты почему в сторонке села? Исанка презрительно ответила:

– Тебя не спросила! Жарко!

– Нет, не жарко потому что. Ты всегда держишься в сторонке. Вон, Борька чуть тронул за руку, – "ах, ох, это неприлично!". Мещанка ты, интеллигентка! Нет у тебя настоящей товарищеской простоты.

Вера Горбачова поддержала Можаева:

– Как будто в старорежимные времена в великосветской гостиной... Тургеневская девушка.

Борька расхохотался.

– Товарищи, что это? Мы еще начнем вводить регламенты, как держаться и где садиться! Черт знает! Исанка, будь сама собою и плюй на всех!

Можаев проворчал:

– Черт с ней, пускай будет сама собой!

Очень мне нужно!

Стенька Верхотин лениво и строго сказал:

– Можаяев! Не бузи! Покультурнее нужно быть.

Поднялись, поставили кувшины на головы, пошли дальше. В такт шагу задекламировали все вместе:

Довольно жить законом,
Данным Адамом и Евой!
Клячу истории загоним...
Левой! Левой! Левой!

Можаяев с виноватым видом подошел к Исанке.

– Ты не сердись, что я тебя так. Я задеваю тебя, а все-таки очень люблю.

– А мне надо?

Отодвинулась от него и дружески взглянула на подходившего Борьку.

Борька привык первенствовать и привык к жадно слушающим, влюбленным девичьим глазам. Но Исанка становилась ему все желаннее и милее, потому что у нее были гордые и дерзкие глаза, потому что она не позво-

ляла к себе прикоснуться.

Он тяжело вздохнул.

– Эх, Исанка! Завтра уезжать, – как не хочется! Я так к тебе привык!

Она из-под руки, придерживавшей кувшин, взглянула, не умея сдержать радости.

Над густолиственными ясенями забелел вдали бельведер дворца. Широкая подъездная аллея. Потом веселая лужайка с цветниками перед террасой. И огромный двухэтажный дворец-красавец – раньше графов Зуевых, теперь – студенческий дом отдыха на сто двадцать человек.

Прошли через лужайку к боковому двору и перед кухней стали сливать свои кувшины в бочку. Потом на спортплощадку. Большая партия вузовцев, отжившая свой месяц, завтра покидала дом отдыха, на место их приезжали другие. И все спешили последний день наиграться. Спортплощадка была разбита на лужайке перед дворцом.

Футболисты с толстыми икрами и голыми коленками метались по полю, выкатив глаза и по-бычачьи наклонив головы; за проволочной сеткой мелькали ловкие фигуры тенни-

систов, вздымались ракетки, и пулями летали мячи. На дороге играли в городки.

К Борьке подбежала Зина Арнаутова и, глядя влюбленными глазами, сказала:

– Борька, мы сейчас в баскетбол собираемся играть. Будь у нас рефери!

Она была в красной физкультурке, с голыми руками и ногами, легкая, тоненькая. Борька молча взял ее за руки ниже запястий и попытался поставить на колени. Она изгибалась, стараясь не поддаться, и смеялась радостно. Раньше, до Исанки, Борька много ходил и говорил с нею, потом отстал, и она тайком следила за ним грустными глазами. Сейчас на душе у Борьки было хорошо и светло, всем хотелось сделать приятное. Он ласково улыбнулся, стараясь изогнуть ей руки. Потом сказал, как будто потеряв надежду:

– Нет, с тобой не справишься!.. Ну, пойдем.

Были две сыгравшиеся за месяц баскетбольные женские команды по пять человек. Завтра многие из них уезжали и сегодня состязались в последний раз.

Борька, с свистком в губах, расхаживал вдоль площадки и зорко следил за играющими-

ми. Ах, хорошо! Мяч быстро и плавно перелетал из рук в руки, прыгал по земле, ловко ударяемый ладонью, опять взлетал; крутясь вокруг своей оси, устремлялся дугою к сетке. Плавно изгибались тела, грациозно мелькали нагие руки, как будто живое море ласково плескалось по площадке. Исанка была центровым игроком и капитаном юбочниц: одна партия была в юбках, другая в шароварах. У противной партии в центре играла Зина. И обе они стоили одна другой,- две олицетворенные волны,- легкие, подвижные, гибкие. Борька любовался обеими, когда, вводя мяч в игру, он подбрасывал его, а они, близко стоя с заложенной за спину рукой, готовились к прыжку.

Захватывала слаженность игроков, красота строго организованных движений, грация тел. Но еще больше Борьку восхищала общая дисциплинированность. Всякое слово судьи принималось играющими, как неоспоримое слово рока,- а Борька был судья очень строгий, почти придирчивый; ни одним словом не перекидывались играющие, только, когда нужно,- призывный хлопок в ладоши; не ка-

сались друг друга, не толкались, не задерживали мяча; каждая бегала, как будто одна была на площадке, и мяч летал без остановки, как будто живой. Вот где обучение культурности и дисциплине.

Через двадцать минут Борька объявил перерыв. Уселись на длинной скамейке около площадки. Солнце садилось, дворец под его светом сиял своим огромным белым фасадом, вдали зеленую полянку обступали огромные, тихие дубы парка. И кипела молодая, здоровая, радостная жизнь, набираясь сил на работу и будущее. Представилось, как было тут раньше: вяло и скучающе бродили среди этой красоты вырождающиеся, изнеженные люди, не умея вложить в жизнь ни поэзии, ни страсти. И были эти бездельные люди владельцами всех богатств вокруг за то, что предок их услаждал своим офицерским телом ночи развратной старушки-императрицы. И вот - "священная собственность"!.. Хе!

Борька был сын мелкого, разорившегося помещика, но революцию любил. Потерял он от нее немного, а в себя верил крепко, верил, что сам сумеет проложить себе в жизнь доро-

гу. Любил он революцию за то, что она все сдвинула со своих мест, что открывала головокругительные возможности к творчеству нового.

Опять играли. Колокол зазвонил к ужину. Исанка пошла ужинать к себе. Она жила не в доме отдыха. Ее дядя был помощником завхоза дома отдыха, она жила лето у него. Занимал он флигель за прудом. Борька сказал:

– Я тебя провожу.

– А вам ужинать.

– Ну, опоздаю. Без ужина. Неважно.

Пошли ясеновой аллеей к плотине пруда. Исанка сказала:

– А знаешь, я уже чувствую, как отзывается на спине наше ношение кувшинов. Легко и приятно идти прямо, как будто посторонняя сила поддерживает.

– Да? Вот видишь!..- Борька заговорил с воодушевлением:- Это лето для меня какое-то совсем особенное. Как будто у меня только что раскрылись глаза на человеческое тело, как оно может быть прекрасно, как важно, чтоб оно было здорово и прекрасно, и как мало мы об этом думаем. И каждый день меня

на этот счет озаряют гениальнейшие идеи. Сегодня, например... Скажи, ты любишь смотреться в зеркало?

– В зеркало?.. Как сказать...

– Ну, ясно, конечно,- не знаешь, как сказать. Ты хорошенькая, конечно, смотришься в зеркало, но как это сказать!.. А нужно твердо знать вот что: человек должен постоянно смотреться в зеркало. Если он будет видеть свое тело,- ему захочется, чтоб оно стало красивее, мускулистее, здоровее. И лицо свое нужно видеть почаще, чтоб оно было светлое, с ясными глазами, чтобы не было брюзгливых складок в губах. Тело так же действует на душу, как душа на тело. Если будешь ходить прямо, то и поникшая душа выпрямится; если стонишь угрюмость с губ, она сойдет и с души.

Свернули около плотины на тропинку, перешли через пролом в кирпичной ограде, обросшей крапивою.

– Ну, не прощаюсь. После ужина приходи во дворец, смотри. Придешь?

– Ага.

Исанка пошла по тропинке к дому, а Борь-

ка повернул назад. Он медленно шел ясеневой аллеей. Солнце уже село. На западе столбами стояли странные облака – теплого, жемчужно-серого цвета. Как будто из-за горизонта тихо вынеслись огромные фонтаны, и замерли в воздухе, и царили над всею землею. Борьку поразило, какая тишина кругом. Он остановился. За канавкою слабо дышала цветущая рожь и как будто прислушивалась к чему-то, сдерживая дыхание. Так было тихо, что когда незаметный ветерок вдруг закачал над головою ветку ясеня, показалось, что и ветка живая и шепот листвы самостоятельный.

Борька стоял, прислонившись плечом к стволу ясеня. Все больше охватывала душу эта колдовская тишина. Он произнес вполголоса:

Есть некий час всемирного молчанья...

Еще страннее и таинственнее стала тишина от этих таинственных слов... Как там дальше? Что-то еще более таинственное и вещее. Как будто не просто стихи, а дряхлая сивилла

медленно шепчет малопонятные, не из этого мира идущие слова. И на остром ее подбородке – жесткие, седые волоски. Но как же там дальше?

Ах, как хорошо! Как хорошо! Вся радость, весь свет и счастье, которые Борька впитал в себя в этот сверкающий месяц, вдруг разом заполнили душу. И вся она трепетала от ощущения нарастающего, приближающегося какого-то блаженства, которому нет и не будет имени.

Есть некий час всемирного молчанья...

Ну, как же там дальше?.. Среди тихой теплыни чуть слышно звенела мошकारа в ржи. За бугром, в невидимой деревне, изредка лаяла собака. Вдруг оттуда донесся закатистый детский смех,- совсем маленький ребенок радостно смеялся, заливался тонким колокольчиком. Звуки отчетливо доходили по заре. Борька светло улыбался. И еще раз ребенок залился смехом. И еще. И прекратилось. Борька ждал долго, но уж не было: видно, перестали смешить или унесли в избу. Стало опять тихо.

Есть некий час всемирного молчанья...

И вдруг в памяти медленно, уверенно выплыло дальше:

И в оный час явлений и чудес
Живая колесница мирозданья
Открыто катится в святилище небес...

По дороге от деревни, держась за руку, шли Стенька Верхотин и Таня. Какие славные ребята: и тут, на отдыхе, не бросают общественной работы. Он помогал в деревне организовать комсомольскую ячейку, она развернула широкую работу в женотделе. И как хорошо идут, держась за руку,- какая хорошая товарищеская пара!

Подожли. Пошли все вместе ко дворцу. Борька сказал:

– Ну, Стенька, Танька! Может, никогда больше не увидимся. Вы в Москву, а я в Ленинград... Хорошо месяц прожили, правда?

Стенька широко улыбался скуластым, бритым лицом.

– Ясно. И знаешь? Ты мне много дал за этот месяц. Сначала меня возмущали все эти твои эллинские утонченности, постоянные твои разговоры о теле, здоровье, красоте. А потом я убедился, что настоящая физкультура именно требует такого опозитизирования и углубления и что греки в этом деле были не дураки.

– Други мои милые. Ой, не дураки они были! Борька крепко обнял за шею Стеньку и Таню, и так, обнявшись втроем, они подошли ко дворцу.

Отужинали. В огромные окна дворца глядела звездная ночь. В белом зале с ненатертым паркетом играли на рояли, танцевали, декламировали, пели. В темно-вишневой гостиной, со старинными картинами в тяжелых золотых рамах, на всех столах и столиках играли в шахматы и шашки.

Исанка вошла в гостиную и сразу нашла глазами Борьку,- по высокому его росту, по крепкому, мужественному голосу и по тому, что глаза всех окружающих загорались оживлением и мыслью. Васька Шилин, лучший

шахматный игрок, с насмешкой спрашивал:

– Контрреволюционная игра?

– Да, контрреволюционная. Так же, как футбол. Футбол и шахматную игру должны бы насаждать в рабочем классе только фашисты, чтобы отучать рабочих думать над серьезными вопросами.

Можаев из-за шахматной доски враждебно возразил:

– Шахматы как раз приучают думать.

Борька с издевательской насмешкой доказывал, что из культурных способов отвлечения людей от серьезных умственных запросов два самые верные и незаметные – футбол и шахматы. Футбол – для людей со слабою умственностью: вся кровь уходит в ножные мышцы, и для мозга ничего не остается. Шахматы – для людей помозговитее. Вот, поглядите кругом, не было бы шахмат,- один бы книжку читал или газету, другой, кто умом устал,- гулял бы, занимался бы здоровым спортом.

– Э, дурак! Сам Ленин играл в шахматы.

– Возражение! Атлету играть десятифунтовыми гирями – один отдых, а нам, брат, с то-

бою это – работа, да еще какая!

Стенька слушал с довольной улыбкой, другие сердились и яро возражали, но Борька всех побивал. Исанка давно заметила, – он везде искал спора, чтобы упражняться в диалектике, изучать психологию спорящих и – наслаждаться своим превосходством.

Борька увидел Исанку, кончил спорить, подошел к ней.

– В духоте какой сидят. Пойдем, пройдемся. Вышли на террасу, спустились в парк. Он хотел взять ее за руку, но она осторожно высвободила ее и с удивлением спросила:

– Неужели ты это серьезно про шахматы?

– Немножко бузил, конечно, но в общем настаиваю. Про самого себя скажу: когда голова работает, лучше почитаю в чуждой мне области или беллетристику. А не работает, – отдохну поумнее, чем тратить мозговой фосфор на передвижение куколок по квадратикам.

Они шли над Окой, на горе сиял окнами обоих этажей дворец, а вверху шевелились густые звезды.

Борька спросил:

– Ну-ка, Лебедя найдешь?

– Ну, конечно. Вот он, в Млечном Пути.

– Покажу тебе еще на прощанье Козерога, январский знак Зодиака. Эти три звезды Орла ты знаешь. От них проведи линию вниз. Дай-ка руку... Вот так три звезды Орла. Ниже идет, как продолжение, линия мелких звезд...

Он в темноте отмечал расположение звезд, надавливая пальцем на ее ладонь и предплечье, и радовался, что она не отнимает руки.

Долго бродили по парку. Исанка сказала:

– Мне пора. Неловко, все лягут спать, придется стучаться, будить.

Он проводил ее до их флигеля. В окнах везде уже было темно. Окно Исанкиной комнаты выходило в сад и было открыто.

– Ну, прощай!

И протянула Борьке руку. Борька обеими руками сжимал ее руку и смотрел ожидающими глазами.

– Ну... прощай!

Исанка подтянулась на руках, вскочила на подоконник и прыгнула в комнату. Зажегся огонь и осветил комнату изнутри.

Борька вполголоса позвал из чащи сирени:

– Исанка! Смотри-ка: взошел Юпитер. Она

высунулась.

– Где?

– От тебя, должно быть, еще виднее. Сейчас покажу. Вскочил на подоконник, сел.

– Нет, тут угол сарая мешает. Вот сюда подайся, вправо. В созвездии Водолея. Видишь?

– Ага!.. Ах, красота! Замолчали, любуюсь.

Борька сказал:

– Юпитер еще в полужидком состоянии, в его теплых и неглубоких морях только-только начинает зарождаться органическая жизнь.

– А ты знаешь...- Исанка мечтательно глядела на звезду.- Знаешь, в прошлом году я пережила душою это рождение живой материи из косной природы. Так было удивительно! Я была с экскурсией в Крыму. Раз я ушла одна далеко от всех, над морем между скал нашла себе местечко, разделась, лежу на солнце. Серые скалы, небо темно-синее, море бьет ровными, ритмическими ударами. И постепенно я перестала чувствовать себя как что-то отдельное, странно было подумать, что я сюда откуда-то сейчас пришла. Казалось, я давно уже, с незапамятных времен, лежу здесь, как

эти серые камни, под ровные удары волн. Где море, где камни, где я? Мне казалось, я даже не могу шевельнуться по своей воле, а вот, если подхватят волны или ветер, то сладко качаюсь и поплыву куда-то,- и совсем не мое дело куда. И вдруг...

Голос ее задрожал взволнованно.

– Вдруг из-за скалы вылетела чайка. Белая, яркая, быстрая, с живым, своим полетом, совсем другим, чем ровные движения волн. Что-то странное случилось, я не могу передать. Теперь это? Миллионы лет назад? Но я вдруг почувствовала, что чайка эта вот сейчас только там за скалою родилась из всего мертвого, что было кругом,- из влаги моря, из прибрежного ила, из солнечного блеска. Родилась живая, свободная, сбросила с себя косность – и полетела, как хочет, куда хочет, вкось, вверх, вниз, наперерез ветру и волнам. Как будто миллионы лет эволюции слились в один миг. Я вскочила, взмахнула руками,- почувствовала тоже, что и я, и я – я не камень, не волна, что я свободная, как эта чайка,- свободная, ничем не связанная, с живым, своим полетом!.. Удивительное было ЯНЯРНяние,-

как будто бы только что я совсем по-особенному родилась на свет.

Борька изумленно воскликнул:

– Исанка! Да как же это у тебя интересно!

Она поморщилась и сказала:

– Потихе! Услышат... И вообще,- прощай!

– Слушай, ведь, оказывается, никому ты своим приходом не помешала, окно открыто,- пойдём, ещё погуляем.

Она поспешно и резко ответила:

– Нет!

– Почему же?

– Ну... Не хочу больше...

– Ладно, тогда прощай. Я буду в Ленинграде, ты в Москве. Если напишу тебе, Исанка,- ответишь?

– Ясно,- отвечу.

– А завтра, когда автомобиль подадут, придешь нас проводить?

– Ну, приду же!

Борька пристально поглядел ей в глаза, вздохнул и медленно сказал:

– Прощай.

И спрыгнул с подоконника в кусты.

Пошел бродить по парку. В душе была оби-

да и любовь, и пело слово: "Исанка!" В парке стояла теплынь, пахло сосною. Всюду на скамейках и под деревьями слышались мужские шепоты, сдержанный девичий смех. На скамеечке над рекою, тесно прижавшись друг к другу, сидели Стенька Верхотин и Таня.

Хотелось быть совсем одному. Борька ушел в глубину парка, где начинались обрывы над Окою, поросшие березою и дубом. На откосе, меж дубовых кустов, была полянка, вниз от нее, по склону, рос донник: высокая, кустистая трава с мелкими желтыми цветочками, с целомудренным полевым запахом. Сзади поднимался над поляной огромный дуб. Борька сел. Тишина все такая же удивительная. Внизу, в чаще обрыва, отчетливо был слышен шелестящий по сухим прошлогодним листьям осторожный шаг крадущегося барсука. На душе было необычно чисто и светло, и тесно было в груди от радости, которая переполняла ее.

Борька лег на спину, закинул руки за затылок и смотрел вверх. Звезды тихо шарили своими лучиками в синей темноте неба, все выше поднимался уверенно сиявший Юпи-

тер, и девически-застенчивым запахом дышал чуть шевелившийся донник. Борька за-
снул.

Когда проснулся,- уже светало. Теплый пар
курулся над поверхностью Оки, вдали темне-
ли выбегавшие в реку мысы. Небо было зе-
леноватое, и все кругом ясно было видно в
необычном ровном полусвете без теней. Борь-
ка вскочил на ноги. И сейчас же в душе опять
запело: "Исанка!"

Он пошел к парникам. Крадучись, чтоб не
увидел садовник, нарезал в розариуме огром-
ный букет роз. Черные, пунцовые, розовые,
телесные, белые. Обрызганные росой. С про-
хладным запахом. Окно Исанки, наверно,
осталось открытым. Он бросит ей в окно про-
щальный букет.

Перебрался через пролом в кирпичной
ограде. Вдали, в окне Исанки, что-то белело.
Он удивленно вглядывался, подошел ближе. У
окна сидела Исанка.

Борька осторожно шепнул из кустов:
– Исанка!

Она вздрогнула, вдруг встала во весь рост
и с широко открытыми глазами протянула

руки вперед.

– Борька!

Он вскочил на подоконник, уронив букет; они схватили друг друга в объятия и крепко припали к губам.

– Я ждала, что ты придешь! Ты должен был прийти!- Она оторвала от него свое бледное лицо, глубоко заглянула в глаза.- Только отчего так долго?

– Ты... ты с тех пор ждала?

– Ну да!

Крепко обняв, он целовал ее в губы, в щеки, в глаза и со стыдом думал:

"А я-то... спал там, на полянке. Вот дерево!" Они вылезли в окошко, ушли в парк и все утро проходили, держась за руки, и говорили, говорили. Он спросил:

– Зачем ты меня так резко прогнала?

– Я... я не знаю. Что-то такое большое было в душе, страшное. Мне необходимо было остаться одной.

– Хорошо, что я не обиделся и все-таки пришел сейчас.

Она благодарно сжала его руку.

Часть вторая

Всю зиму они переписывались. Его письма были очень умные и интересные, ее – сероватые, когда была умною, захватывающие, когда писала о своих переживаниях. Каждое письмо связывало их все больше, и к весне через письма выросла между ними большая, крепкая любовь. Он немножко испугался этой любви, боялся, что она его свяжет. Но все-таки написал: женимся! И подал заявление о переводе из ленинградского университета в московский. А летом ему удалось с большим трудом опять попасть в тот же дом отдыха над Окою, где рядом, в доме дяди, опять проводила лето Исанка.

Они виделись очень часто. Участвовали в общих прогулках, играх, физкультурных упражнениях, но все это было второстепенное, и они считали минуты, когда останутся одни.

Вечером пили чай на небольшой деревянной террасе флигеля, где жил дядя Исанки, Николай Павлович, помощник завхоза.

Борька стоял с ним у перил. Николай Павлович говорил:

– Вот эта вся лужайка перед террасой и вся трава в этом уголке сада, за прудом, отдана в мое распоряжение. Запасаю траву для двух своих коров.

Николай Павлович – суетливый человек, постоянно потирает руки, под носом – маленький темный треугольничек волос на бритой губе. Во всей его фигуре – как будто он сейчас хочет куда-то предупредительно броситься, что-то сделать для собеседника. Это у него от застенчивости перед мало знакомыми людьми. Наедине со своими он спокоен и даже медлителен.

– А кто вам будет косить?

– Найму. У самого сердце сейчас плохое. Когда-то косил.

– Давайте, я вам скошу.

Николай Павлович метнулся.

– Что вы, что вы! Чего ж вам беспокоиться!

– Я люблю физические упражнения, для меня это будет удовольствие. Исанка, ты умеешь косить?

– Нет.

– Хочешь, скосим лужайку эту? Я тебя научу.

– Ага! Очень рада.

Чай разливала Лидия Павловна, мать Исанки. Она была вдова врача и жила у брата, вела у него хозяйство. Сухоощавая, с изящным лицом и медленными движениями. Она с грустью следила за Исанкой: коробило ее, и не могла она привыкнуть, что в молодежи так легко теперь говорят друг другу "ты", зовут друг друга уменьшительными именами. Она видела, как легко одевались девушки, как они, обнявшись, ходили с молодыми людьми. Сердце ее дрожало и болело за Исанку, поэтому в глазах у нее всегда была грусть и тревога. А это лето тревога еще усилилась. Лидия Павловна видела, как Исанка в присутствии этого высокого студента вся начинала светиться внутренним светом, как часто этот студент к ним приходит. К чему все это поведет? Исанка – всего только на третьем курсе медицинского факультета, он тоже еще юный студент... А теперь все это у них так просто!

И она боком глаза смотрела на подругу Исанки, Таню Комкову: на лице у нее были

некрасивые коричневые пятна, грудь разжидилась, живот выпячивался вперед... Как она теперь будет учиться?

Таня глядела бодро и весело. Она это лето жила не в доме отдыха, а в деревне,- заведовала избой-читальней. Она оживленно рассказывала о своей избаческой работе, об организации крестьянок, о злобе на нее мужиков. Лидия Павловна слушала и думала: все это хорошо,- но зачем же тогда ребенок?

Скоро разговором незаметно овладел, как всегда, Борька. После чая Таня встала. Борька сказал:

– Ну, и я с тобой. Пора.

Они вместе вышли. Он проводил ее до самой околицы деревни, потом медленно пошел назад. В парке шла обычная ночная жизнь, слышался мужской шепот, девичий смех. Борька темными лесными тропинками пробрался к пруду, перескочил в густой крапиве через кирпичную ограду. В этой части сада никого не было слышно. В конце запущенной боковой аллеи, у канавы, за которою было поле, стояла старенькая скамейка.

Борька сидел на скамейке и ударял срезан-

ным ивовым хлыстиком по голенищу сапога. В душе волновалось жадное нетерпение. Вчера, на прощание целуя Исанку в щеку, он крепко обнял ее и, как будто нечаянно, попал ладонью на ее грудь. И весь день сегодня, задыхаясь, он вспоминал это ощущение. Тайные ожидания и замыслы шевелились в душе. Снова и снова всплывавшее воспомина-ние сладострастным жаром обдавало душу.

Затрещали в сумраке аллеи сучки под ногами. Легкою своею походкою быстро подошла Исанка и сказала:

– Долго я сегодня?

Борька раскрыл ей навстречу объятия. Они сели рядом и тесно прижались друг к другу.

– Очень долго сегодня мама не уходила спать. Помогала дяде сводить счета. Заметила бы, что ухожу,- Исанка повела плечами.- Так противно, что все время прячемся, скрываемся. Отчего не прямо?

– Что "не прямо"? Не сесть у вас на террасе так, как мы сейчас сидим?

Исанка засмеялась и теснее прижалась к его боку под мышкой. Борька медленно цело-

вал ее в мягкие волосы. Они замолчали.

Теперь наедине они вообще больше молчали. Хотелось какого-то другого общения, не словесного; хотелось быть ближе, ближе друг к другу, прикинуть щекою к плечу, губами к виску, и молчать, отдаваясь горячим токам, перебежавшим из тела в тело. Был какой-то особенный, бессловесный, непрерывный разговор взглядами,- радостными, дерзкими, стыдящимися; прикосновениями; поцелуями. Руки все время оживленно беседовали между собою неуловимо-легкими оттенками пожатий; таких тонких оттенков не смогло бы передать никакое слово.

Исанка сказала:

– Сними пенсне, мешает.

Борька снял. Исанка прильнула щекою к его щеке. Он медленно целовал ее в маленькую, мягкую ладонь. Сквозь ЛЮИИС он ощущал, как к его груди невинно прижималась молодая девическая грудь. Его особенно волновала эта невинность прикосновения,- Исанка, очевидно, совершенно не понимала, как это на него действует. И Борька боялся шевельнуться, чтобы она не переменяла поло-

жения.

Сзади, в канаве, что-то хрустнуло. Они отшатнулись друг от друга. Послышался шорох и приближающийся треск. Борька заговорил обычным, несдерживаемым голосом, как бы продолжая разговор:

– Просто нельзя поверить, что "Вильгельма Мейстера" писал тот же человек, который создал "Фауста": такая рыхлая, вялая канитель, главное,- такая художественно самодовольная!..

На валу зачернело, послышалось настороженное рычание. Исанка шепотом позвала:

– Цыган!

Цыган бросился ласкаться. Они засмеялись. Исанка переспрашивала:

– Так как, товарищ, говорите? "Вильгельм Мейстер"- самодовольная канитель? Запомни, Цыган, это для твоего говорилось поучения!

Борька охватил Исанку и жарко стал ее целовать, и, как будто нечаянно, попал рукою на ее грудь. Исанка затрепетала и стыдливо сдвинула его руку к поясу.

– Ну, Исанка, мне так удобнее!

– Боречка... Не надо!..

Она это сказала таким жалобным, молящим голосом, что у Борьки опустилась рука. Он нахмурился и стал играть с Цыганом. И очень этим увлекся: теребил Цыгана за уши. Цыган игриво рычал и небожно хватал его зубами за руки. Лицо Борьки было холодное, глаза смотрели враждебно.

Исанка ласково просунула руку под его локоть.

– Ты, правда, так думаешь о "Вильгельме Мейстере"? Значит, мне его не стоит читать?

Борька ответил деревянным голосом:

– Не стоит.

– Борька, ты за что-то рассердился на меня.

Он помолчал.

– Не рассердился... А что-то, правда, происходит между нами совсем непонятное. Ты так от меня отшатнулась, как будто к тебе прикоснулся какой-то гад. За что?

Исанка тоскливо повела плечами и опустила голову.

– Так не нужно делать. Мне неприятно.

– Ну, слушай, Исанка, ведь это же смешно!

Тебе не двенадцать лет. Ты согласна быть моей женой. Если бы наше материальное положение было другое, мы бы уж поженились. А ведь ты медичка, уж по этому одному, я надеюсь, ты знаешь... что любовь... что это не одни только... поцелуи. И как же ты думаешь? Ты станешь моею женою, а я все не буду иметь права ласкать тебя, где захочу... раздевать...

Исанка дрогнула и, страдальчески наморщившись, закусила губу.

Он продолжал:

– А мне именно в этом видится огромнейший смысл настоящей любви. Случилось что-то, пала какая-то непреодолимая преграда, и стало дозволенным, естественным, желанным все, о чем раньше даже подумать было бы бесстыдством. И ты знаешь?..

Голос его стал нежным, ласкающим. Он привлек к себе Исанку и крепко поцеловал в волосы. Она радостно прижалась.

– Ты знаешь? Вот, когда мы с тобою сидим, как сейчас, когда я сквозь одежду ощущаю, как ты вся прильнула ко мне, - я чувствую, ты

такая близкая мне, такая моя. А когда ты вдруг гадливо отшатываешься, когда я чувствую, что прикосновением своим наношу тебе форменное какое-то оскорбление,- я совершенно начинаю теряться: как это может быть? Почему то, что мне дает такую радость, для нее – только грязь и стыд? Не ошибся ли я? Может быть, все это просто недоразумение: дружеское расположение ко мне, интерес к моим умственным переживаниям ты приняла за любовь. Иначе как возможно такое отращение?

Исанка виновато молчала и не знала, что возразить. Преодолевая себя, крепче прижалась к Борьке и прошептала:

– Неужели ты можешь сомневаться, что я тебя, правда, люблю?

Он целовал ее в затылок, где вились мелкие золотые волосики, и шептал:

– Милая ты моя, хорошая девочка!

Опять замолчали. И опять пошел таинственный, бессловесный разговор легкими рукопожатиями, поглаживанием волос, долгими поцелуями, соприкосновением тел. Время проходило странно быстро. Как будто две-

три минуты назад произошла размолвка, а уже заметно передвинулись звезды на небе. Борька посадил Исанку себе на колени, крепче прижал ее, и сильнее между ними пошел жаркий ток. Постепенно и незаметно, опять как будто нечаянно, он положил ладонь на ее грудь, чуть-чуть только касаясь ее. Почувствовал, как Исанка опять вся внутренно затрепетала, но не отнял руки, а крепче нажал ее и с вызовом сказал:

– Я не нечаянно руку сюда положил!

Исанка замолчала, опустив голову и закусив в темноте губу, вся внутренно сжавшись, как будто под пыткой. А он вдруг расстегнул у нее на блузке одну пуговичку, дернул другую, - она оборвалась, - быстро провел руку под блузку. Исанка скорчилась на его коленях и крепко схватила обеими руками его руку.

Сзади, в канаве, опять затрещало. Они настороженно выпрямились, хотя знали, что это все тот же Цыган, поэтому даже не обернулись. Но затрещали шаги тяжелые, и мужской голос сказал:

– Цыган!

В зеленоватых сумерках июньской ночи

на валу появилась из канавы черная фигура Николая Павловича.

Исанка слабо вскрикнула и вскочила с колен Борьки, сжимая рукою расстегнутую на груди блузку. Борька растерянно остался сидеть. Николай Павлович тоже стоял растерянно и смотрел глупыми глазами.

Спокойным, самым обыкновенным голосом Борька заговорил:

– Что это, вы тоже соблазнились ночью, гуляете? Я думал, вы такими пустяками не занимаетесь.

– Нет, я с ночного шел... Наши лошади санаторные на ночном,- ходил посмотреть, не спит ли ночник. И назад пошел напрямик, через сад...

Борька ужасно заинтересовался.

– А скажите, неужели вы никогда так, без нужды, не гуляете? Ну, вот такая, например, ночь, как сейчас: я места дома не мог найти, с самого ужина шатаюсь по парку и по вашему саду. И Исанку встретил сейчас совсем пьяную от восторга... А вы, если бы не надо было идти на ночное,- так бы и не вышли из дому?

Исанка, закусив губу, неподвижно стояла и

не вмешивалась в разговор. Они еще поговорили напряженными голосами. Николай Павлович сказал, что ему завтра рано вставать, и пошел к дому по нечищенной аллее, шурша прошлогодними листьями.

Исанка все стояла неподвижно. Борька беззвучно засмеялся и хотел обнять ее. Но она гадливо, не скрывая теперь этой гадливости, передернула плечами и резко сказала:

– Пора домой.

Он разочарованно спросил:

– Уже?

Исанка нервно вздрогнула.

– Гадость! Какая гадость!.. Этого не нужно делать, что мы делаем!

Борька сердито закусил было губу, но овладел собою и ответил покорно и печально:

– Как хочешь.

Она слабо поцеловала его и задумчиво пошла по аллее.

Горела на столике свеча. Исанка сидела на постели, прикусив губу, пришивала к блузке новую пуговку, и слезы медленно капали на голубую блузку.

Борька вместе с Исанкой выкосил лужайку перед домом Николая Павловича и отведенную ему часть сада за прудом. Косить Исанка легко научилась. Потом ворошили и сушили сено. Им хорошо было, потому что были вдвоем.

На Петров день Николай Павлович и Лидия Павловна уехали в Калугу, на именины к старшему их брату, фининспектору. Днем было жарко, хорошо, а к ночи вдруг на востоке потемнело и стало поблескивать.

Исанка волновалась: такое зеленое, сухое сено,- и вдруг замочит. Решили с Борькой,- сколько можно будет, стаскать на террасу; а в саду, нечего уже делать, придется только скопнить.

В темневших сумерках они доверху заполнили террасу душистым сеном,- уместилась вся лужайка. Потом скопнили по саду лежавшее в валах сено.

Потом долго гуляли по парку,- как всегда теперь, не умея определить, прошло ли полчаса, или три часа.

На востоке, за Окою, ярко-белым светом широко вспыхнул небосклон, слепя глаза. И

тихо-тихо было. И томительно тепло. Душнойю и тягостною чувствовалась одежда; хотелось все сбросить с себя, чтобы теплый воздух ласкал свободное тело.

Исанка медленно сказала странным голосом:

– Будет гроза.

Борька ответил:

– Будет. Только не из-за Оки. Я заметил: гроза всегда приходит к нам с юга или с запада, а не с востока.

– А земля такая сухая и теплая. Хочется прижаться к ней.

Борька поднял руку Исанки и короткими поцелуями целовал в мягкий сгиб локтя. Исанка вдруг быстро повела плечами и выпрямилась.

– Боря, пора!

– Еще что.

– Нет, Боря, правда. Поздно.

– Да что ты, с ума сошла? Всегда говоришь, неприятно, что мать видит, как ты поздно приходишь, а сегодня что? Никого дома у вас нет.

Исанка настойчиво твердила:

– Нет, нет. Уж пора.

Борька неожиданно согласился и больше не возражал. Он сказал с неопределенною улыбкою:

– Ну, пойдём.

Они шли в теплой тьме лесной дорожки, под сводами нависшего сверху орешника. Сухо пахло сосновой хвоей. Борька держал Исанку за руку выше локтя, слегка пожимал пальцами упругие ее мускулы, и из пальцев его лилось в тело Исанки какое-то томное, жаркое электричество. Глаза ее блестели недоуменно и тревожно.

Перешли через пролом в кирпичной ограде, подошли к дому. Исанка протянула руку.

– Ну, прощай!

Борька беззвучно смеялся, смотрел на нее и не протягивал в ответ руки. Вдруг крепко обнял и пошел с нею вместе на террасу. Она билась в его сильных объятиях, упиралась в ступеньки, но он взвел ее наверх. Изменившимся, слегка задыхающимся голосом Борька сказал:

– Нет никого во всем доме, мы одни. Со-

всем одни.- Крепко обнял ее и горячо шепнул на ухо:- Представь себе: как будто никуда уже тебе не нужно от меня уходить, никто не вправе грустить, что ты со мною поздно засиживаешься. Нечего бояться, что кто-нибудь нас увидит...

– Неужели это когда-нибудь будет?

– Сядем.

Исанка села на сено, Борька растянулся рядом и прижался щекою к ее плечу.

– И ты... ты не говоришь то и дело: "нельзя!", "не надо!" Все, наконец, можно, ни на что нет запрета...

Они затихли. И долго молчали. Исанка несколько раз тревожно выпрямлялась, пыталась отвести руки Борьки, но он крепче сжимал ее. Она шептала, стыдясь:

– Боря, не надо!

– Вот видишь, опять "не надо!".

Руки ее сопротивлялись упорно, но не хватало силы удерживать сильные руки Борьки. А ласки его становились все дерзче. Изнутри у Исанки поднималось неведомое что-то, сладкое и острое. Тревога, испуг переполнили душу.

– Погоди, что это там?– Исанка встрепелулась и отвела от себя руки Борьки.– Кто-то идет.

Они стали вслушиваться. За неподвижным бором поблескивало, доносились глухие перекаты. Кругом было очень тихо. Среди этой замершей тишины что-то подозрительно шуршало в бузине у кирпичной ограды.

Исанка, застегивая на груди кнопки кофточки, слушала. Щеки ее были красны, насто-роженные глаза блестели. Но вглядывалась она вовсе не в бузину, откуда шел шорох, а как будто в себя куда-то. Борька рассмеялся.

– Миленькая моя! Это тебя, вправду, собака испугала в бузине? Вот ты какой стратег! Ловкий маневр. Молодчина девка!

Исанка виновато и блаженно засмеялась. Он бурно охватил ее за плечи, опрокинул в сено и стал целовать в шею, в плечи, в грудь. Она больше не сопротивилась, и затихла, и дышала все тяжелее.

Взблеснула далекая молния за бором и вздрагивающим, перемежающимся светом осветила Исанку. Борьку поразила новая, невиданная красота ее лица. Губы были ре-

шительно сжаты, огромные глаза блестели шедшим изнутри сосредоточенным светом. И Борька тоже стал для Исанки необычен, страшный, неодолимо-властный и по-новому милый. Хотелось быть покорной и безответной, отдать ему все. Не было больше неловкости, не было стыда. С рокотом несся на души огненный вихрь, и все сейчас должно было закружиться в безумии страсти и счастья.

– Исанка... Исанка... Моя?

Ярким бело-голубым взблеском вспыхнуло небо. Еще ярче, обжигая душу, сверкнула в расстегнутых одеждах девичья нагота. Миг, и случилось бы что-то огромное, неслыханное и потрясающее, после чего в изумлении и восторге они бы спросили: что такое, что такое сейчас было?

Борька горячим шепотом спросил:

– Так ты не боишься, что мы увлечемся?

Она задорно ответила:

– Я вообще люблю, когда люди увлекаются.

– А... а вдруг ты забеременеешь?

Она нетерпеливо поморщилась и жарко прильнула к нему.

Но его руки вдруг ослабели. Огромным на-

пряжением воли он разорвал крутившееся вокруг них огненное кольцо,- сел в сене и, скорчившись, охватил колени руками. Исанка растерянно и недоуменно взглянула на него.

Потный и горячий, с прилипшей к телу сенной трухой, Борька встал и, шатаясь, подошел к перилам. На юге часто сверкали молнии, гром ворчал глухо. По листьям порывами проносился нервный трепет. Исанка лежала в сене не шевелясь.

Весь дрожа мелкою внутреннею дрожью, Борька смотрел вдаль мутными глазами, к которым постепенно возвращалась трезвость. Ветер освежил мокрое от пота лицо. Он долго стоял, потом потер лоб и медленно заходил по террасе мимо куч сена, в которых по-прежнему молча и не шевелясь лежала Исанка. Его удивило, что она так тиха и неподвижна.

Борька подсел к ней на сено, взял бессильно лежавшую руку, медленно и крепко поцеловал. Потом почесал за ухом и сказал улыбаясь:

– Да-а-а... Чуть бы, чуть...

Исанка молча смотрела на него огромны-

ми темными глазами. Их выражения Борька не мог разглядеть. Он продолжал целовать ее безответную руку, спросил:

– Правда, как здесь жарко на сене?

Она молчала и все смотрела неподвижными глазами. Сверкнула молния, гром ударил близко за бором. Борька сказал:

– Гроза надвигается.

Исанка быстро встала.

– Да. Пора тебе идти.

Она начала оправлять растрепавшиеся волосы и вдруг вздрогнула так, как будто сквозь нее пробежал сильный электрический ток.

– Что это ты?

Она растерянно взглянула.

– Ничего!.. Не знаю...

Борька нежно гладил ее руку выше локтя. Она не противилась и глубоко молчала. Он сказал:

– Ну, прощай.

Исанка, сосредоточенно молчащая, безучастно приняла его поцелуй в щеку и, понурив голову, пошла к стеклянной двери террасы.

Назад Борька пошел берегом Оки. Далеко внизу, под обрывом, темнела бестуманная река. Черные тучи быстро неслись над головой, молнии сверкали чаще.

Борька сел над обрывом на сухую и блестящую траву под молодыми березками. Сзади огромный дуб шумел под ветром черною вершиною. Кругом шевелились и изгибались высокие кусты донника, от его цветов носился над обрывом тихий полевой аромат. Борька узнал место: год назад он тут долго сидел ночью накануне отъезда, и тот же тогда стоял кругом невинный и чистый запах донника.

А как с тех пор все изменилось!.. Тогда, - какая тогда была ясная, утренне-чистая радость! Теперь было в душе чадно и мутно. Борька схватил руками голени, уткнулся лицом в колени, и морщился, и протяжно стонал от стыда. Гадость, гадость какая! Какое бесстыдство!

Но тотчас же он вспомнил, как неожиданная молния осветила полураздетую Исанку. И откровенная, сосущая, до тоски жадная страсть прибойною волною всплеснулась в душе и смысла все самоупреки: сладко заныла

душа и вся сжалась в одно узкое, острое, державное желание – владеть этим девичьим телом. Только бы это, а остальное все пустяки. И уже далеко от души, как легкие щепки на темных волнах, бессильно трепались самоупреки, стыд, опасения за последствия.

Борька встал на ноги и громко произнес:

– Что же это за сила проклятая! Какой ужас!

Ветер с воем мчался вдоль реки. За ним, прыгая с тучи на тучу, яростно гнался гром. Сверкнула молния, осветив встревоженную речную гладь и высокие прибрежные обрывы. На одном обрыве что-то неподвижно и ярко белело над самою кручею. Борька удивился: что это может быть? Человек – не человек. Белье, что ли, развесили сушиться и забыли?

Всю ночь бушевала гроза, и всю ночь Борька не спал, лежа на своей кровати среди крепко спавших товарищей. Болела голова, и ужасно болело в спине, по позвоночному столбу. Задремлет, – вдруг ухнет гром, он болезненно вздрогнет и очнется. Угрюмый, он вставал, ходил по залам и коридорам дворца, останавливался у огромных окон. Под голубы-

ми вспышками мелькали мокрые дорожки сада с бегущими по песку ручьями, на пенистых лужах вскакивали пузыри, серые кусты, согнувшись под ветром, казались неподвижными.

Проснулся Борька очень поздно, с тяжелою головой, мрачный. В восемь утра его пытались разбудить ребята на утреннюю физкультуру, но он сказал, что нездоровится. Никого уже в спальне не было. Он долго лежал, глядел на лепные украшения потолка, и мутные, пугающие мысли проходили в голове.

Захватила душу какая-то чертова сила, окрутила его и тащит на аркане, и нет сил ей противиться. Да ведь это сумасшествие! Для чего было переводиться в Москву! Что будет? Соединятся они,- он, студент; она... Беременность, дети. Нелепость, нелепость!.. "Отец семейства". И она, эта девчурка,- "мать"... И прощай все мечты о профессуре, о блестящей научной деятельности. Ч-черт, ч-черт! А ведь не случилось вчера, случится завтра. Перевалился мячик через какой-то кряж, покатился под гору,- и теперь его не остановишь. Ах, неле-

пость!- Он морщился и хватался за голову.- Прочь от этого колдовства, выскочить из зачарованного круга, пока не поздно!

Но вдруг опять ему вспомнилось, какую он увидел Исанку под взблеском молнии, и опять все всколыхнулось и сладко заныло в душе. И он почувствовал: что бы в будущем его ни ждало,- теперь все равно. Пока не осуществится то, что огненным буравом сверлит тело и душу, пока Исанка не будет ему принадлежать, никаких вопросов он не сможет решить. Даже не сможет решить вопроса самого существенного: подходят ли они друг к другу, могут ли быть мужем и женою. Разве возможно подобные вопросы решать в состоянии того непрерывного опьянения, в каком их держит страсть?

Борька вышел на веранду. Небо было в мутных, неясных облаках без очертаний, тусклое солнце белесым светом отражалось на сырых крышах. Парило, было душно и тихо. У кухни напряженно кричали петухи. На футбольной площадке тренировались парни, обливаясь потом.

Борька пошел купаться. Морщась от голов-

ной боли, он шагал по мокрой траве рядом с маслянисто-черной дорогой, с водою в расползшихся колеях. На теплой грязи сидели маленькие оранжевые и лиловые бабочки, каких можно увидеть только на мокрых дорогах и у ручьев. За парком широко подул с реки освежающий ветер, но сейчас же стих.

Исанка, с полотенцем на плече, медленно поднималась от реки по откосу, редко поросшему полынью и колючим репейником с голубыми листьями. Борька пошел навстречу. Лицо Исанки было серое, жалкое, под глазами темнели черные полукруги. Они поздоровались за руку и заговорили о незначительном. Борька старался не смотреть в ее глаза: в них была такая тоска, такое недоумение и растерянность, - как будто она узнала что-то страшно важное, о чем до сих пор и не подозревала, но чего и теперь не в силах была понять.

Он шел рядом с нею вверх. Исанка рассеянно спросила:

– Ты купаться идешь?

– Да... А ты сейчас домой?

Она помолчала, опустив голову, и вдруг решительно сказала:

– Пройдемся немножко.

Они пошли бичевником вверх по реке, по береговой дорожке, протоптанной бурлаками и их лошадьми. Исанка шла, понутив голову, и молчала. И вдруг она показалась ему чужою, он заметил, какой у нее невысокий лоб, как она сутулится. И, пугая, через душу быстро пронесся вопрос, как паровозная искра сквозь ночную темень:

"Да кто она такая? Зачем я с ней связываюсь?"

Пронесся вопрос и исчез. Борька оглянулся. Парк наверху скрылся за выступом. Он поднес руку Исанки к губам и крепко поцеловал. Она в ответ пожала его руку, но пожатие вышло мертвое, тока между ними не получилось.

Свернули влево и стали подниматься на Змеиную Гору, острым мысом врезающуюся в Оку. Меж низких ореховых и дубовых кустов пестрели иван-да-марья, алели вялые листья земляники. Было тепло, и душно, и тоскливо. И все больше болела голова. Из кустов несло влажным теплом, кожа была липка от пота.

Исанка, волнуясь, сказала:

– Сядем где-нибудь.

Присела на гнилой дубовый пенек, обросший мохом. Но все не заговаривала, и только грудь ее чуть заметно вздрагивала. Мутное небо в полной тишине заметно темнело, стали падать мелкие теплые капли. С резким треском неожиданно через все небо прокатился удар грома, и опять кругом стало расслабленно-тихо. В мутной дали Оки показался пароход и бессильно пыхтел, как будто не двигаясь с места.

Борька ласково сказал:

– Исанка, тебе все время хочется что-то мне сказать. Скажи.

Она сидела, локти в колени и голову в ладони. Вдруг плечи ее стали вздрагивать. Она стиснула голову, стараясь сдержаться, но всхлипывания становились все сильнее

– Что с тобой? Девочка моя!

Исанка вздрагивала, как лист под каплями дождя, и вдруг разрыдалась. Борька стал взволнованно гладить ее по пушистым, золотым волосам, с мелкими капельками дождя на них, и говорил ласковые слова.

– Боря! Голубчик!- Исанка обеими руками

схватила его руку и прижала к своей груди.- Я не знаю, что со мною! Я места себе не могу найти со вчерашнего. Мне так стыдно! Я сама не знаю чего. Но мне стыдно, стыдно. Так стыдно!

Борька изумился.

– Исанка! Да ты с ума сошла! Передо мною? Что же теперь может нас разделять?

– Я знаю, что мне тебя нечего стыдиться, что я вся твоя. Я вот держу твою руку и чувствую, что эта рука такая близкая, родная... Но скажи мне, что со мною? Как будто я со вчерашнего вечера вся вымазалась в грязи, что такое? Милый мой, любимый!

Ее глаза сияли, тоскующее, смятенное лицо осветилось изнутри и стало вдруг прекрасным. Она с надсадом прижимала к колеблющейся груди его руку, как будто старалась убедить саму себя, что эта рука, правда, близкая-близкая, как своя.

Борька опустился возле Исанки в горячую, влажную траву, взял ее руку и стал целовать. Нежно и уверенно он говорил, что все, переживаемое ею, вполне естественно. Мы с дет-

ства воспитываемся в глубочайшем презрении к телу и к любви, поэтому подход к ней всегда болезнен и мучителен, люди уже совсем близки стали духом, а попытки к телесной близости вызывают испуг и стыд. А между тем как же быть иначе? Этого обойти нельзя, раз есть любовь.

И он много еще говорил, держа ее руку в одной руке и нежно гладя другою.

Исанка неподвижно сидела, уставясь в землю широко раскрытыми глазами. Потом подняла на него глаза. В них замер такой вопль ужаса, что Борька внутренне вздрогнул и замолчал.

– Какой все это кошмар, Боречка! Пожалей меня, помоги. Я не знаю, что такое со мной. Вчера, когда мы с тобой разошлись... Я не знаю, как это случилось...- Она повела вокруг помешанными глазами.- Я вдруг стою над Окою; смотрю с обрыва вниз. Там, внизу, у воды, камни,- такие белые и такие большие... И тянет туда, и вдруг пришла мысль: один шаг,- и конец этой бессмыслице. Я ничего, Боря, не понимаю, только мне страшно, страшно! И так стыдно!..

Борька сидел, склонив голову. Вдруг рыдания порывом подступили к его горлу. Он молчал, стараясь с ними справиться. Потом, пряча лицо, припал губами к руке Исанки и сказал:

– Прости меня, если можешь.

Встал и, шатаясь, с вздрагивающими плечами, пошел прочь.

Часть третья

С жильем в Москве было очень трудно устроиться. Устроились так. Исанка жила на Девичьем Поле в одной комнате с Таней Комковой,- обе они были медички. Большую их комнату разгородили дощатой перегородкой пополам, и Стенька Верхотин перебрался к Тане. А свою каморку у Арбатских ворот, в восемь квадратных аршин, бывшую комнату для прислуги за кухней, он уступил Борьке.

"Прости, если можешь..."

Прости-то, прости. Легко было сказать. Но мяч перекатился через кряж и неудержимо катался вниз. Изменений в отношениях не было.

Раз в субботу вечером Борька зашел за Исанкой, они долго бродили по Девичьему Полю. Было очень хорошо. Стояла глубокая осень, шли дожди,- и вдруг ударил морозец, черные, мокрые улицы стали белыми и звонкими. Сквозь ветки тополей с трепавшимися остатками листьев сверкали яркие звезды.

По аллеям шевелились под ветром души-

стые кучи опавшей листвы. Дышалось глубоко и бодро.

Они ходили по аллеям, держа друг друга за руку, разговаривали теплыми, медленными пожатиями, а Борька в это время одушевленно, как всегда, говорил. Это были теперь для Исанки самые любимые минуты в их общении.

Борька изучал английский язык и читал сейчас в подлиннике Шелли. Он возмущался непроходимую пошлостью бальмонтских переводов и наизусть переводил Исанке целые куски из Шелли. После фармакологии и общей хирургии это был для Исанки светлый, зачарованный мир, в котором сладко отдыхала душа.

– Вот,- послушай,- заключительные строфы "Мимозы": "Все эти сладостные образы и запахи в действительности вовсе не миновали, не кончились. Это мы изменились, наши души. Для любви, для красоты и для радости нет ни смерти, ни изменения: сила их выше наших чувств, и они сами, наши чувства, слишком темны, чтобы выдержать их свет". Мистика, конечно. А знаешь,- когда у меня на душе

грязно, темно, скверно, я именно это вот и ощущаю, что у Шелли тут сказано: есть эта красота и радость, это мы изменились, наши чувства слишком темны, чтобы долго выдерживать их свет...

Потом они на Плющихе зашли в кооператив, купили колбасы и белого хлеба, пошли к Исанке чай пить. Комната ее была в полуподвальном этаже, окно, в уровень с землею, выходило на двор. Стоял в комнате кисло-сырой, тяжелый запах, и избавиться от него было невозможно: мусорный ящик стоял как раз перед окном. Но в самой комнатке было девически-чисто и уютно. Это всегда умиляло Борьку. Что у него было, в его комнате!

Исанка ушла в кухню вскипятить на примусе воды, пришла с кипятком, радостная, светящаяся. Пили чай, болтали. Чувствовали себя близко-близко друг к другу; Исанка положила голову на плечо Борьки.

Глаза Борьки изменились. Он привлек к себе Исанку и стал расстегивать на ее груди блузку. Она крепко сжала обеими руками его руку и ласково сказала:

– Боря, не надо.

– Ну, ну! Вот еще! С чего это не надо?

И он крепче охватил ее. Но Исанка вывернулась, отошла к стене и извиняющимся голосом сказала:

– Больше этого не будет.

– Почему?

– Борька, гадко! У меня больше нет сил.

– Странно! Четыре месяца было ничего, и вдруг – нет больше сил.

– Мне все время было тяжело.

– Только тяжело? И больше ничего?

– Нет, то-то особенно и мучительно: ядовитый какой-то дурман, едко и сладко, и потом так от него погано!

– Угу!- Борька самолюбиво блеснул глазами и замолчал.

Исанка печально сказала:

– Ну, Боря, как хорошо сегодня все у нас было, и вдруг...

– Это дело вкуса.

Он медленно поднялся и начал надевать пальто.

– Уходишь?

– Да, пора.

С каменным лицом пожал ее руку. Она

преодолела гордость и спросила:

– Когда придешь? Он рассеянно ответил:

– Право, не знаю. Я очень занят.

И ушел.

Она, стиснув зубы, прошлась по комнате, остановилась у окна. Потом тряхнула головой и села за фармакологию Кравкова.

Мнения относительно действия атропина на спинной мозг расходятся. Можно думать, что атропин сначала увеличивает рефлекторную возбудимость, а затем ее парализует...

Читала, а слезы медленно капали на страницы. Болела голова, ничего в нее не шло. У нее теперь часто болела голова. Исанка приписывала это помойке перед окном, - нельзя было даже решить, что полезнее – проветривать комнату или нет. И нервы стали никуда не годные, она постоянно вздрагивала, ночи спала плохо. Похудела, темные полукруги были под глазами. Такими далекими казались летний блеск солнца, здоровье, бодрая радость!

Разделась, легла спать. Но мешал плач грудного ребенка за дощатой перегородкой.

Таня баюкала его, ходила с ним по комнате. Успокоился наконец.

Но скоро пришел Стенька Верхотин с двумя товарищами. Они пили чай и яростно спорили о троцкизме и оппозиции. Сквозь щели перегородки лез мутный запах дешевого табаку. Иногда начинал плакать ребенок, и голос Тани баюкал его. До двух часов ночи тянулись споры. Исанка представляла себе: табачный дым столбом, они, "деятели", спорят о важных вещах, измученная Таня старается заснуть среди табачного дыма и криков. И с ненавистью Исанка прислушивалась к добродушному голосу Стеньки и вспоминала сегодняшнее каменное лицо Борьки. И недоброе чувство шевелилось к вековым господам – мужчинам.

В три часа, когда уже ушли ребята, Исанка слышала, как Таня стучала кулаком по столу и истерически кричала:

– Все, все по-прежнему! Ни на волос ничего не изменилось! "Жана"? Что на нее смотреть? "Наплявать!" Не хочу с тобою жить, уйду, и девай своего ребенка, куда знаешь! У меня своя работа есть, ничуть не менее важная,

чем твоя!

Слышался виноватый, уговаривающий голос Стеньки. В четыре же часа Стенька раздраженно спрашивал:

– Что ж, мне его прикажешь грудью кормить? Так у меня в грудях нету молока!

Прошла неделя. И другая. Борька не приходил. Раз вечером Исанка шла по Никитскому бульвару и увидела: по боковой аллее идет Борька с незнакомой дивчиной; обнял ее за талию и одушевленно, как всегда, говорит, а она влюбленно слушает. Матовое лицо, большие, прекрасные черные глаза.

Постоянно болела голова. И работоспособность падала. Мутная вялость была в мозгах и неповоротливость. Исанка пошла на прием к их профессору-невропатологу. Вышла от него потрясенная. Села на скамейку в аллее Девичьего Поля.

Он ее долго и добросовестно исследовал, расспрашивал; осторожно подошел к вопросу об отношениях с мужчинами и спросил:

– Можете вы мне в этой области рассказать все? Исанка покраснела, опустила голо-

ву, ответила:

– Да.

И рассказала. Тогда он сказал:

– Ну-с, так вот вам. Основная, все исчерпывающая причина. Хотите быть здоровой,- либо установите нормальные отношения, либо разорвите их. И не откладываете. И ему скажите,- он вузовец?- скажите, что это ведет к понижению умственных отправления, к ослаблению памяти, и вообще последствия этого – сквернейшие.

Потом посмотрел на нее умными, проницательными глазами, мягко улыбнулся и прибавил:

– У вас чистые, хорошие глаза. Вот что я вам еще скажу: не поддавайтесь ничьим софизмам и верьте вашему чувству. Самое большое горе женщины в этой области, что она вообще позволяет мужчинам ломать и коверкать свое непосредственное чувство их логикой. Вот, товарищ. Идите и хорошенько подумайте обо всем этом.

С двух сторон шли железные решетки и оставляли широкий выход из сквера; направо, вдоль Большой Царицынской, тянулись

красивые клинические здания, белая четырехэтажная школа уходила высоко в небо острой крышей. И солнце победительно сверкало, желтели на синеве неба кое-где еще не опавшие листья клена. Свет был и простор. Исанке казалось, что она сможет выкарабкаться к этому свету. Вспомнилось из Шелли: "Наши чувства стали слишком темны, чтоб выдерживать свет красоты и радости". Остро укололо душу воспоминание о Борьке. Как нерадостно, как запачканно проходит их любовь. И было в душе чувство твердости и чувство освобождения: уверенно было оправдано то, что жалобно кричало и протестовало внутри ее самой.

А слезы капали из глаз на спинку скамейки. Эта самая скамейка. На нее они присели, когда Борька читал Шелли. Как тогда было хорошо!

А Борька все не приходил. Ну что ж! Ну, и хорошо! Все само собой прекратится. А душа рвалась и тосковала.

И дома было невесело. Исанка готовилась к зачетам вместе с Таней. Было больно за нее

и трудно. Исанка читала фармакологию, а Таня тупо слушала, потом расстегивала блузку, брала плачущего ребенка и прилаживала к своим большим, матерински-мягким грудям. Несколько времени говорили об алкалоидах, потом Таня страстно начинала жаловаться на свою жизнь, и глаза горели озлобленно.

– Господи! Что стало с жизнью! И общественная вся работа пошла к черту, и наука припадает на обе ноги... Пеленки, ванночки, присыпки... Но что же мне делать? Не могу же я к этому малышу относиться кое-как!

Исанка с враждебным огоньком в глазах говорила:

– Ты должна настоять, чтоб тебе побольше помогал Стенька.

– Стенька!.. Степанушка мой...- Таня с ненавистью рассмеялась.- Придет, покрутит носом: "Ну, мальчишка все кричит, мешает работать,- пойду заниматься к товарищу!" Все я, все я одна. И даже на него стирать,- все я же должна.

Исанка энергично воскликнула:

– Ну, уж этого бы я ни за что не стала делать!

– И я бы не хотела. А ничего не выходит. Он общественный парень, прекрасный работник. Но ты не можешь себе представить, до чего он грязен и некультурен. Не починешь носков,- так и будет ходить в рваных. Ох, эти носки! Грязные, вонючие. Один на комод положит, другой на окно, рядом с тарелкой с творогом. От рубашки его так воняет потом, что я не могу с ним спать. Ну, как не выстираешь?

Исанка возмущенно прошлась по комнате.

– Все-таки знаешь, Танька? Я тебе скажу: ты та-ка-я женщина!

Танька помолчала, вздохнула и виновато улыбнулась.

– Исанка! Я та-ка-я женщина!.. Что же мне делать?

Исанка добыла билеты на "Дело" Сухово-Кобылина во втором МХАТе и почти насильно потащила Таню, чтобы ее немножко рассеять. После спектакля, при выходе уже, они столкнулись в вестибюле с Борькой. Он опять был с тою же еврейкою с большими глазами, смотревшими влюбленно.

И разом они оба бросились друг к другу –

Исанка и Борька. Горячо пожали руки, заговорили. И пошли назад вместе. Исанка забыла о Тане, Борька – о своей черноглазой.

Шли по сверкавшей снегом Моховой, разговаривали, как прежде. Она не спросила, почему он все время не приходил. А он сам сказал: чувствовал, что неправ, но самолюбие не позволяло.

В сквере около храма Христа Спасителя они сели на гранитный парапет над площадью Пречистенских ворот. Внизу, за спиною, звеня и сверкая, пробегали красноглазые трамваи, вспыхивали синие трамвайные молнии, впереди же была снежная тишина и черные кусты, и тусклым золотом поблескивали от огней внизу главы собора. Говорили хорошо и долго.

Исанка рассказала про свое посещение профессора.

– Мне и раньше всегда так было погано, я чувствовала, но не могла дать себе отчета. А теперь... Борька, мы друзья с тобой? Настоящие?

Он крепко поцеловал ее в пушистые волосы над ухом, она сжала его руку.

– Борька, бросим это, будем хорошими товарищами, пока не сможем быть мужем и женой.

Он продолжал целовать ее в висок, посмеивался и говорил:

– Как добродетельно!.. Хорошо, Исанка!

Потом стал серьезен и сказал:

– Нет, это, правда, позор! Ломаем жизнь и себе, и друг другу. И настолько нет силы воли, чтобы стать выше этого. Хорошо. Давай друг другу помогать.

– И ты вперед не будешь обижаться, если я...

– Может, и буду. Ты меня тогда назови дураком и подлецом.

Они пошли, держась за руки, опять разговаривая медленными, горячими пожатиями. Прошли по тихому Сивцеву Вражку, по Плющихе. Борька проводил Исанку до дому, в Первом Воздвиженском переулке. У каменных ворот, около подстриженных тополей, тянувшихся вдоль панели, они остановились. В колебании поглядели друг на друга. Борька решительно сказал:

– Ну, поцеловаться-то можно!

Она засветилась, крепко охватила его шею и обожгла девическим поцелуем.

Борька пришел на следующий день. Был блестящ, много и одушевленно говорил. В душе горел сладкий, необычный поцелуй, который был вчера. Пили чай. А потом Борька потянулся к Исанке и обнял ее за талию. Исанка решительно уклонилась.

– Боря! Этого больше не будет никогда. Помни, мы дали слово.

– Ну, слово!..- Он подошел сзади, губами припал к ее шее и попытался положить руки на грудь. Исанка решительно встала и отошла к стене. Борька сел к столу, огорченно положил голову на руку.

– Боря, вспомни, что мы вчера говорили.

– Э!- Он нетерпеливо махнул рукою.- Ерунду мы вчера говорили. Как это возможно! Вчера, как расстались, я все время думал о тебе, вспоминал, как ты меня поцеловала... Это выше всяких клятв. Я не могу. Как лавина какая,- накатилось и несет с собою. Сходиться друзьями... Да это издевательство! Вся мысль только о том, чтоб иметь тебя всю. Какая мука!

Он схватился за голову и наклонился над столом. Исанка подошла к нему близко, положила руку на плечо и, прикусив губу, заглянула ему в глаза серьезным, пристальным взглядом.

– Боря, ну, тогда... будем жить, как муж и жена.

Он усмехнулся.

– Как Стенька Верхотин с Таней? Только предупреждаю: варить каши и стирать пеленки у меня не будет времени. И я должен быть свободен. Исанка, пойми,- я не могу наваливать на себя семью, не могу связывать себя. Я чувствую в себе незаурядную умственную силу, я знаю, что буду великим человеком. И потопить себя в пеленках и кашках – ни за что!

– А я одна тонуть в пеленках и кашках не хочу.

Замолчали. Исанка продолжала пристально смотреть ему в глаза.

– Как же тогда быть?

– Ну, давай жить по-настоящему... Только, чтоб не было последствий.

– Это,- аборт, если что?

– Ну, что ж поделаешь!

Она опустила руку с его плеча и с отвращением повела плечами.

– Н-ни за что! Убить своего ребенка!.. И потом. Вижу я кругом девчат. Как возятся с последствиями, как месяцами ходят к докторам, как синеют у них носы... Вам-то до этого нет дела.

Борька раздраженно сказал:

– Черт знает что получается! Трогательная картинка из дореволюционного быта: она – небесно чистая девушка; он, пока что, шляется по проституткам и, наконец, лет эдак через семь-восемь, с полузалеченными венерическими болезнями, срывает ее перезрелую чистоту... Ты какая-то совершенно ископаемая... Кто сейчас на все это смотрит так сложно?

Исанка вспыхнула.

– Ну, и ищи себе современных, везде кругом сколько угодно. Да кстати, ты, кажется, уж и нашел себе.

Он просто и кротко ответил:

– Это было только от тоски. Я люблю тебя и никого другого неспособен искать.

Это ее тронуло. Она опять прикусила губу, серьезными, любящими глазами заглянула в его глаза и тихо спросила:

– Так как же нам быть?

Они долго и бесплодно говорили. Он робко ласкал ее руку, потом незаметно шел все дальше, ей было сладко и противно...

– Нет!

Исанка вскочила и, оправляя платье, решительно отошла к стене.

Борька раздраженно кусал губы. Она заговорила о своем впечатлении от вчерашнего спектакля в МХАТе. Он слушал рассеянно. Раз не могло быть того, - она казалась ему серой и неинтересной.

Замолчали. Исанка стояла, прислонившись спиной к высокому подоконнику.

Вдруг раздался пискливый, пронзительный, дурацки неестественный голос:

– Уйди-уйди-уйди-уйди-уйди!

Борис вскочил. Исанка, смеясь, держала в руке зеленого вербного чертика. Сегодня утром она проходила по Смоленскому рынку: на душе было радостно от примирения с Борькой и что он придет вечером, увидела,

что китаец продает этих смешных чертиков, и купила.

Борька медленно бледнел.

– Это ты нарочно припасла на этот случай? Улыбка недоуменно застыла на губах Исанки.

– Как это нарочно?

Борька встал с злыми глазами, порывисто вздохнул, закусил губу.

– Я тебе не мальчишка, чтоб надо мною шутить такие шуточки, с такими бабьими намеками.

– С какими намеками? Борька, да что ты?

Он грубо крикнул:

– Сейчас же спрячь!

Исанка вспыхнула.

– Вот еще!

– Я требую, чтоб ты спрятала, не хочу слушать этого дурацкого писка!

– А мне нравится!

Она надула игрушку, и чертик, спадаясь и сморщиваясь, опять завопил пронзительно:

– Уйди-уйди-уйди-уйди-уйди!

Борька, смотря на нее злым взглядом, сказал отдельно:

– Фамилии своей я все равно не переменю,

прослаблю ту, какая есть.

– При чем тут фамилия?

Исанка высоко подняла брови,- она вдруг сообразила: фамилия Борьки – Чертов; в чертике он видит какой-то намек на себя.

– Какой же ты, Борька, дурак!

Исанка вдруг почувствовала, что страшно устала. Она замолчала и тесно прижалась к стене плечом и головой.

Борис прошелся по комнате и спокойно, равнодушно заговорил:

– Наши отношения с тобой окончены. Навсегда. Я вижу вообще, что мое увлечение тобой было ошибкой. И подумать: из-за тебя я бросил Ленинград, налаженные отношения с профессорами!.. Я считаю нужным тебя предупредить, не удивляйся, если я встречу с тобой и не поздороваюсь.

Исанка, устало прислонившись к стене, слабо кивала головою и отзывалась:

– Да!.. Да!..

Он ушел и тайно ждал, что Исанка кинется за ним, станет звать. Не позвала.

Устало села к столу. Оттопыривался карман. Что это там? Вынула зеленого чертика, с

удивлением поглядела. Надула,- он завопил:

– Уйди-уйди-уйди-уйди-уйди!

Исанка рассмеялась.

– Вот наша любовь...

И долго смеялась. Таня сквозь перегородку спросила:

– Чего это ты, Исанка?

– Очень весело!

Через пять дней.

Борису Васильевичу Чертову.

Я шла, это было вечером вчера, Гоголевским бульваром. На душе вообще было ничего себе. Но мне казалось, что в жизни с тобою я пью накипь с какого-то скверного супа, который варится кем-то, - не мною и не тобою.

Было очень холодно и мокрый снег. Я устала, тяжелые ноги не двигались, я села у памятника Гоголя. Вдруг ярко блеснуло солнце, засверкали леса за Окой, увидела веселые, загорелые лица с здоровым блеском глаз, все несут на головах кувшины, чтобы научиться держаться прямо... Х-ха-ха! Как это важно в жизни, - держаться прямо!

Наверное, ты знаешь, что к одиноко сидящим женщинам подходят мужчины. Он внимательно заглянул мне в лицо и сел возле. Он был осторожен, так как колебался, как и я; а может быть, думал, что мне надо много платить, не знаю.

Волнение немножко мешало мне, голос был нетвердый, но мне захотелось посмотреть, красив ли он, и хватит ли у него той ка-

пельки настойчивости, которая нужна. Взглянула. Одет очень хорошо, с брюшком, но безусловно красив, особенно глаза черные.

Мы много говорили о разном, обо всем, он грел мои руки, ласково заглядывал в глаза. Много ходили по улицам, где поменьше было народу, наконец, привел в Мерзляковский переулок. Спросил: "Может быть, вы зайдете ко мне выпить чашку чаю?" Мне было интересно, что будет дальше. И смешно было. Как люди живут богато! Он угощал меня фруктами, ликерами,- замечательно вкусные. Потом подсел ко мне, стал очень настойчив. Мне все было все равно. Он ужасно удивился. "Вы девушка?" Я рассмеялась. "Какая я девушка! Это так только кажется!" Когда я уходила, он мне что-то сунул в руку. На улице поглядела при фонаре: червонец. Ого! Пригодится. Мне деньги нужны.

Вот все. Нет в душе моей раскаяния и жалости к себе. Все благополучно. И нет к тебе никакой злости (ты говорил как-то, что лучший признак равнодушия,- когда нет злости). Главное, нет больше этой мучительной тяги к тебе, никому не нужной зависимости.

Это письмо, конечно, последнее. Исанка.

Борис хотел в воскресенье идти к Исанке мириться. И как раз получил утром это письмо. Три раза перечитал, в изумлении вытаращил глаза, в душе больно заныло. Разорвал письмо, с омерзением выбросил клочки в форточку. И больше к Исанке не ходил.

Раз на святках Борька с тремя девчатами сидел на Никитском бульваре. Они возвращались с диспута в Политехническом музее о половой проблеме. Празднично сверкала луна, была тихая морозная ночь, густейший иней висел на деревьях, телефонных проводах и антеннах. Борька с одушевлением говорил, девушки влюбленно слушали. Среди них была и та дивчина с черными глазами.

Борька говорил, что брак, как дружеский товарищеский союз между мужчиной и женщиной, может быть заключаем только года через два-три после физического сближения. До того есть только влюбленность, есть страсть, при которых человек совершенно слеп и должен быть готов на всякие неужи-

данности. Глубочайший смысл имеют "пробные браки", существующие у некоторых народов.

Простились. Девчата пошли к Кудрину, Борька по бульвару – к Арбатским воротам. Лунный воздух поблескивал иголочками инея. На скамейке, с книгою под мышкой, сидела Исанка и глядела на Борьку. Он дрогнул, хотел пройти мимо, но потом подумал: "Невеликодушно!" Подошел к ней и дружески протянул руку.

Исанка оглядела его озорными глазами и нехотя протянула руку. И спросила:

– Ну что, удав,- сколько еще цыплят проглотил? Над многими еще женщинами показал свою власть?

Борька мягко сказал:

– Что это, Исанка? Зачем ты так?

Он сел и внимательно поглядел на нее. Месяц ярко освещал лицо Исанки. Она сильно похудела, нос заострился, глаза впали и от этого казались глубокими и прекрасными. Вдруг Борька почувствовал, что она ему по-прежнему дорога, и сердце сжалось от боли, что она так горько запачкала себя.

От нее пахло дешевым табаком. Раньше Исанка не курила.

– Зачем ты так говоришь, Исанка?

– Праздную свое освобождение от тебя. Как хорошо! Вот уж два месяца прошло, а все живу этим чувством освобождения. Я теперь решила совсем иначе жить. Раньше я давала целовать себя, а теперь сама целую,- это гораздо интереснее. Раньше я говорила: "Приходи ко мне",- и плакала, когда не приходили. А теперь говорю: "Я буду приходить, когда я захочу!" Раньше мучилась я, а теперь пусть мучаются они.

Борис сказал задушевно и грустно:

– Я очень мучаюсь.

– Да? Ну, это очень приятно.- Она закурила папиросу.- Жалко только, что это совсем не отразилось на твоём лице.

Борька ласково положил руку на холодную руку Исанки и сказал бережно:

– Исанка! Что ты мне тогда написала,- про то, у памятника Гоголя,- я это игнорирую. Я понимаю, все это было сделано с отчаяния, и что тут, может быть, виною – я.

– Ты... и-г-н-о-р-и-р-у-е-ш-ь?.. Ха-ха-ха!- Исанка вскочила со скамейки и с негодованием смотрела на него.- Ты игнорируешь! А как я тебя ждала после этого письма! Господи, как ждала! Я ждала,- ты прибежишь ко мне, как хороший товарищ, как друг, схватишь меня за руки, станешь спрашивать: "Исанка, Исанка, как это могло случиться?!" Какая я была дура!.. А ты, гордый своею добродетелью, наверно, с презрением бросил письмо в печку... Борька!

Она вплотную остановилась перед ним, расставив ноги и засунув руки в карманы потрепанного своего, короткого пальто.

– Борька! Неужели ты так подл и так глуп, что поверил тому, что я там написала? Я только хотела с тобою разорвать.

Он вскочил и схватил ее за руку.

– Правда?!

Исанка на мгновение не отняла затрепетавшей руки, но сейчас же ее высвободила.

– Ага,- правда! А дальше что?

– Исанка, зачем этот тон? Я тебя совсем не узнаю.

– Что же дальше?

– Ведь это совсем меняет дело,- то, что ты мне сейчас сказала.

– Ха-ха! Ну, ясно,- меняет! Раз так, то можно и помириться, правда? И опять ты меня начнешь поганить, и будешь мне твердить, что из-за меня не станешь великим человеком.

Борька смущенно молчал. Грудь Исанки вдруг судорожно задергалась.

Загремел и зазвонил вдали трамвай, меж пушисто-белых ветвей заморгала красная надпись: "Берегись трамвая!" Исанка вскочила.

– Пятнадцатый номер! Последний, наверно. Придется на Девичье Поле переть пешком... Пока!

И побежала к остановке, скрипя по морозному снегу.